

ОГЛЯНИСЬ ВО ГНЕВЕ...

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ТЕАТРЕ САТИРЫ, ЕГО ГЛАВНОМ РЕЖИССЕРЕ И ОДНОМ ПРОФСОЮЗНОМ СОБРАНИИ

В ПРОСТОРНОМ репетиционном зале московского театра Сатиры шло профсоюзное собрание. Обсуждалось решение президиума городского комитета профсоюза работников культуры об участии местного комитета театра Сатиры в производственно-творческой и идейно-воспитательной работе.

Да, вопрос один. А разговор идет о многом. Горячий разговор, страстный.

Помню, несколько месяцев назад представители прессы были приглашены в театр в связи с переездом его в новое, величественное помещение на площади Маяковского. Тогда зовут на новоселье, не пойти нельзя. И нельзя не понять и не разделить радость новоселья. Большую речь произнес тогда главный режиссер театра Валентин Николаевич Плучек. О пути театра за последние полтора десятка лет, о трех годах скитаний по чужим площадкам, о том, как трудно было организовать творческий процесс в таких условиях. И вот теперь — планы, мечты, надежды. «Счастливы, друзья!» — хотелось сказать им. Пусть сопутствует удача вашим устремлениям!

А сейчас я слушаю выступление молодого актера Ю. Авшарова: — У Валентина Николаевича правдивые, величественные слова часто расходятся с делами...

Вообще страсти и мнения сошлись здесь в один, казалось бы, навсегда и прочно заутраченный клубок. Попробуем, однако, размотать его.

О начале мы можем узнать в четвертом томе «Театральной энциклопедии». На странице 386 сообщается: «Важнейшим этапом в творчестве Плучека и в истории театра Сатиры явился цикл постановок пьес Маяковского: «Ваня» (1953, совм. с Н. В. Петровым и С. И. Юткевичем), «Клоп» (1955, совм. с Юткевичем), «Мистерия-Буфф» (1957)... В творческой жизни театра Сатиры они знаменовали поворот к масштабному боевому сатирическому искусству».

Тут, как говорит поэт, ни убавить, ни прибавить. Было. Потом появились постановки Хинкети и Шоу. Успехи не оказались незамеченными. Главный режиссер был увеянчен высоким званием народного артиста. Не жаловался тогда театр на необъективность прессы, не сетовал на всяческую тенденциозность в отношении к нему!

А потом странным образом стал видоизменяться репертуар московского театра Сатиры. Вместо дальнейшего следования по пути «массового, боевого сатирического искусства» началась суетливая припрыжка вокруг легковесных, а меру смешных и в меру же отчаивающих раздумьями спектаклей типа «Гурий Львович Синичкин» или «Женский монастырь».

Критика забила тревогу. Негоже было

театру Сатиры терять обретенное, скачиваться на развеселы тропки с продуваемого жесткими ветрами времени сатирического шляха. Прислушаться бы руководству театра, художественному совету, внять бы критике, приостановиться, задуматься. Ан нет, амбиция загворчала!

Утвердилось в коллективе недоброе мнение, что пресса, мол, травит. Вражеские выпады это, интриги. Мы, мол, хорошие, у нас и Маяковский и Хинкет в репертуаре остаются, а остальные — как бы! Дополнение, на разбавку, что ли. И не заметили, как это время, старые хорошие спектакли делались все старше, а на замену им или в дополнение так ничего достойного и не прибывало. Авторский актив вокруг театра не сложился, композитовские трупы оставляет желать лучшего. Стойчивых кадров режиссеров тоже не видно.

Что ни говори, а в любом театре главный режиссер — фигура определяющая. Если он к критике глух, если он прежде всего подозрителен, а потом уже доверчив, то и ведомому им коллективу очень просто настроиться точно так же. Правда, могли вешаться в дело общественные организации, художественный совет и поправить своего наставника, но они на поверку оказались не на высоте.

На профсоюзном собрании многие так и признали: сами, мол, виноваты в том, что произошло, не сказали вовремя Плучеку о неправомерности его, Плучека, позиции в этих делах.

Переезд в новое помещение вселял в поклонников театра надежду, что теперь многое переменится. Ведь вполне естественно, что, переезжая на новую квартиру, хозяин не стремится тащить за собой старые вещи. На новом месте и жить всегда хочется по-новому, лучше. Вскоре появлялись три премьеры: «Бидерман и поджигатели», «Теркин на том свете» и «Процесс Ричарда Ваверли».

Зрителям удивительно развели руками, а критики вновь звались за перья.

Остановился на «Теркине», о котором пока написано совсем немного. Говорено гораздо больше...

Появление поэмы Александра Твардовского было встречено нашей общественностью с огромным интересом. Не могли оставить равнодушным проблемы, поднятые в ней, трагический навал многих ее мест, победный оптимизм звучания в целом. Ее сарказмом, ее сатирическим запалом мы действительно прощались с прошлым. И вдруг становится известным, что Плучек задумал воплотить поэму на сцене.

Можно ничего не иметь против подобного рода затем, но трудно изба-

виться от подозрения в немом следовании моде: нынче у нас любят ставить письма, телеграммы, стихи... Теперь — поэма. Мода — это, если хотите, синоним серйности. А серйность — шаг к серости.

Действительно, смысловые, идейные акценты в спектакле по сравнению с поэмой сползли в сторону пессимистического испуга перед злом. Что же насатся спектакля как такового, то мне конкретные режиссерские «ходы» показались малоизобретательными. Они слишком отдают привкусом «напуганного» подхода к делу. Иак результат: порою скучно, порою непонятно. Неточность приемов местами сильно затемнила смысл.

Печально, что в театре можно услышать: «Теркин» — наше знамя». Трудно идти в поход под таким знаменем...

ОДНАКО вернемся в репетиционный зал, где идет профсоюзное собрание. В плане работы на второй квартал этого года горком профсоюза предусмотрел заслушать местком театра Сатиры. Авторитетная комиссия приступила к анализу деятельности местного.

В разгар работы Министерство культуры СССР попросило ту же комиссию одновременно разобраться с письмом группы работников театра, которое поступило в редакцию газеты «Советская культура». Авторы просили имен своих не разглашать.

Заявился и письмом. Выяснилось, что в целом ряде положений оно справедливо. Но были в нем и передержки, и просто неверные вещи.

Театр заколотал. Страсти накалились до предела. Закончив работу, комиссия решила доложить свои соображения коллективу. В Плучек на собрание не явился. Он не пришел и на заседание президиума горкома профсоюза, таким образом сорвав его. А когда позвали на второе приглашение, то заявил, что пришел только потому, что товарищи упростили прийти...

Коллектива в это время, кроме всего прочего, очень интересовало, кто написал письмо в редакцию. Почему авторы не обсудили волнующие их вопросы сначала в театре, почему сразу «пошли выше»?

Таковы основные события, предшествовавшие собранию.

А вот основные положения решения президиума горкома профсоюза: местный комитет и его производственно-массовая комиссия слабо участвуют в формировании репертуара театра; здесь отсутствует постоянный общественный контроль за качеством спектаклей; далеко недостаточно забота о повышении профессионального мастерства как технических, так и творческих работников;

мало уделяется внимания дисциплине, велика текучесть кадров; забыты дискуссии и беседы о современном искусстве; бездействует стенная печать; вопросы производства решаются руководством театра келейно, в большинстве случаев без участия местного комитета; из-за отсутствия производственных совещаний значительно понизился уровень критики и самокритики; у театра и у его местного комитета отсутствует четкий план подготовки к празднованию 50-летия Советской власти.

В постановляющей части особое внимание обращал на себя один пункт: «Просить Управление культуры исполкома Моссовета (начальник т. Родионов Б. Е.) рассмотреть вопрос о возможности дальнейшего пребывания т. Плучека В. Н. на посту главного режиссера театра Сатиры как руководителя и воспитателя».

ЗАМЕЧЬТЕ — «и воспитателя». Сталинский утверждал единство этического и эстетического. Этика, говорил он, нужна «для художественных целей нашего искусства и творчества». Приходится с грустью констатировать, что этот завет то и дело забывается руководителем театра Сатиры.

Молодой актер Е. Супонев самостоятельно подготовил крупную роль. Главный режиссер поступил совсем не мудро, обрав показ уже после второй картины.

На общественном обсуждении спектакля «Бидерман и поджигатели» при всем честном народе он оскорбил критика Н. Румянцеву, позволившую себе неодобрительно отозваться о спектакле.

Венчая свои многолетние распри с антрисой О. Аросовой, он, попросту говоря, выгнал ее с собрания коллектива. Потом не извинился, а без лишнего объяснений отстранил от участия в спектакле, в котором она более 300 раз сыграла одну из центральных ролей.

Бездари, злыдни — примерно такими словами адресуется порой главный режиссер к своим братьям по искусству.

Не в этих ли проявлениях грубости, гипертрофированного самонимения, высокомерия тянется начала тех просчетов, которые губят конечную «продукцию» спектакля? Возможно ли творчество там, где отменяются начала нравственные, гуманистические?

Но, странное дело, признав критику горкома профсоюза правильной, председатель месткома Б. Рунге и некоторые другие товарищи активнейшим образом встали на защиту главного ре-

жиссера. Что это — защита чести мундира или мера предосторожности? Тягостное впечатление оставляют эти выступления. Да, он, Плучек, редко бывает на спектаклях, говорит один; не следит за текущим репертуаром, продвигает другой; да, не субординация у нас, а подхалимство, подхватывает третий; да, Плучек — мягкотел (А. Панов); нет, Плучек слишком суров (Е. Супонев); нет-нет, он мягкотел (А. Шатгин); у Плучека в последнее время появились эмоциональные срывы, несдержанность в репетиционной работе (Г. Менглет); к нам, актерам, он не требователен, наш театр никак не называет театром ансамбля (Ю. Авшаров); общественные организации у нас никакого веса не имеют (Б. Манякина), и тем не менее общее резюме — дальше мы должны идти вместе с Плучеком!

А почему?

А потому, оказывается, что есть другой театр, где главный режиссер — ого! — похлеще нашего. Потому что в творческом процессе все, дескать, позволено. Старый актер вспомнил, что в молодости в него режиссер даже стул бросил на репетиции. И ничего, обошлось. А другой актер, молодой, сформулировал кратко: «Я счастлив, когда на меня кричат...»

Как же должен был руководитель вернуться назикану самосознание иных своих собратьев по сцене, как искоренять их представление и о человеческом достоинстве, и об элементарных нормах театральной жизни, колы стали они такими непротивительцами!

Это обстоятельство наиболее удручает. Можно ли ждать высоких творческих взлетов от коллектива, в котором живы подобного рода представления?

И еще мне казалось, пока шло восьмичасовое собрание, что авторы письма в газету, многогити которых охраняется законом, все-таки встанут перед коллективом и скажут о своей позиции открыто. Не в письменной форме, а в устной. Но нет, не встали. Побоялись. Мне представляется, что и это проявление гражданской робости есть все та же утрата своей самостоятельности, еще одно доказательство, что в коллективе театра Сатиры далеко не творческая обстановка.

В КОНЦЕ собрания, как и положено, было принято решение. Но, видимо, плохо будет, если участники собрания посчитают его последней точкой в долгих размышлениях о судьбах своего театра. Еще есть о чем подумать. Что же касается главного режиссера, то дело не в том, останется он на своем посту или не останется. В конце концов масштаб художника определяет не должность. Его определяет способность к непрерывному движению, к росту, к саморазвитию. Его определяет умение делать выводы из своих поражений.

Хочется верить, что с этим согласится и Валентин Николаевич Плучек.

Даль ОРЛОВ.